

БОГОСЛОВ'Я

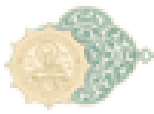
Протоиерей Борис Удовенко,
профессор КДА

**Проявление Правды
и бесконечной Любви Божией
в искуплении и отражении
этого события в русском
богословском наследии**

*Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего
Единородного, дабы всякий верующий в Него
не погиб, но имел жизнь вечную (Ин. 3:16).*

Церковнославянское слово «искупление» имеет греческое происхождение и обозначает освобождение от рабства путем выкупа или денежную сумму, уплата которой дарует приговоренному к смерти жизнь. В Ветхом Завете через Моисея Бог дал повеление, дабы каждый человек, достигший возраста 20 лет, внес половину сикля серебра на служение скинии *в память перед Господом для искупления души* (Исх. 30:16). В этом случае серебро служило символом будущего подлинного искупления людей от греха и примирения их с Богом драгоценной Кровью Христа. *Не тленным серебром или золотом, —* говорит апостол Петр, *— искуплены вы от суетной жизни, преданной вам от отцов, но драгоценною Кровью Христа, как непорочного и чистого Агнца...* (1 Пет. 1:18–20).

Искупление есть освобождение от греха человека, подлежащего суду Правды Божией, осуждению и смерти. В Ветхом Завете под искуплением понималось, прежде всего, освобождение еврейского народа от политического рабства. Искупителями были Моисей, освободивший евреев от власти египтян, Гedeон, Давид и другие избавители Израиля от гнета соседних народов. Впоследствии избавление от вавилонского плена связывалось с идеей высшего искупления — с освобождением народа от грехов, за которые он страдал в неволе. Это должно осуществиться, когда Господь Искупитель придет к Своему народу: *Я помогаю тебе, говорит Господь и Искупитель твой, Святыи Израилев* (Ис. 41:14). Таким образом, уже в то время, несмотря на бытовавший чисто земной взгляд на ис-

купление, ветхозаветному человечеству была присуща мысль, что «прежде всего, нужно искупление от греха, которое может дать только Иегова, а не человек, вследствие его чрезвычайной ценности, и что оно может осуществиться лишь через смерть раба Божия — Мессии»¹.

В новозаветном периоде понятие искупления освобождается от национальных и земных границ, получив нравственный и всеобщий характер. Всем верующим в Спасителя даруется искупление и прощение грехов: эти понятия становятся почти синонимами (Еф. 1:7; Кол. 1:14).

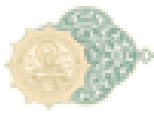
В лице своих лучших представителей человечество осознавало свой неисполненный долг — и собственный, и тяжелый долг прежних поколений. Оно было неоплатным должником. Это вызывало в нём сознание вины и гнетущее чувство вины, которое наиболее ярко проявилось в иудейском народе. Стремление изгладить свои грехи выражалось в жертвоприношениях. Лучшее, что человек имел, он приносил в дар Богу. Но эти жертвоприношения не могли нравственно переродить людей.

Приведем здесь высказывание святого праведного отца Иоанна Кронштадтского из его Слова на праздник Воздвижения Креста Господня: «Вникнем в смысл тайны Креста... мир, то есть род человеческий, предан был вечной смерти, вечным мучениям — по неизменной, строжайшей правде Божией, если бы Сын Божий не сделался добровольным, по беспредельной благодати, Посредником и Искупителем преступного, оскверненного и растленного грехом человечества. Ибо оно низринуто было лестью змия человекоубийцы в страшную бездну беззаконий и погибли... Но чтобы люди могли сподобиться этого примирения и искупления свыше, надобно было Сыну Божию снизойти в мир, принять на Себя душу и тело человеческие, и стать Богочеловеком, чтобы собственным Лицом, человеческим естеством Своим исполнить всю правду Божию, дерзко нарушенную всякими неправдами человеческими; исполнить весь закон Божий, даже до йоты, стать величайшим Праведником за все несправедное человечество, научить его правде с покаянием во всякой неправде и с оказанием плодов покаяния. Это Он исполнил, не быв повинен ни в едином грехе, и быв единым совершенным Человеком в ипостасном соединении с Божеством» (Слово на Воздвижение Креста: Смысл Тайны Креста)².

Рабство человека заключается в грехе: *Всякий, делающий грех, есть раб греха* (Ин. 8:34), *продан греху* (Рим. 7:14). Грех — причина всеобщей смертности: *Возмездие за грех — смерть* (Рим. 6:23). Эти узы разрешил Иисус Христос и освободил людей от вины, смерти и власти

¹ Православная богословская энциклопедия. Т. 5. Статья «Искупление». СПб., 1904. С. 1077.

² Помазанский Михаил, прот. Догматическое богословие. Изд. «Христианская жизнь». Клин, 2001. С. 181–182.

дьявола. Потому не случайно, но с сознанием необходимости Своего страдания применяет Господь к Себе образ «Отрока Божия», «Раба Иеговы», чтобы этим сделать наглядной Свою собственную искупительную смерть. *Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих* (Мф. 20:28; Мк. 10:45). Поэтому апостол Павел и говорит, что мы *куплены дорогою ценою* (1 Кор. 7:23), что *Христос искупил нас от клятвы закона* (Гал. 3:13). Эти же термины использовали и другие апостолы (см.: 2 Пет. 2:1; Откр. 5:9), которые восприняли учение Спасителя непосредственно от Него.

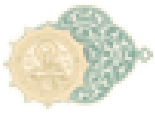
Итак, будучи заимствованным из норм человеческих отношений, понятие «искупление» выражает сотериологическую истину. Господь «по Своему великому к нам снисхождению, думается, исполняет акты Своей спасительной воли в таких действиях, которые имеют основание в человеческой жизни, ибо последняя в своем существе построится на началах образа Божия в человеке»³.

Исходя из буквального понимания библейского термина — «искупление» (*ἀπολύτρωσις* — выкуп), древнецерковные богословы ставили вопрос: у кого Иисус Христос выкупил людей? Одни полагали, что Он выкупил людей у того, у кого они были в рабстве, — у дьявола; другие находили, что дьявол никогда не был законным владыкой человечества и Христос принес Свой выкуп Самому Богу. Этот упрощенный подход к тайне искупления, заимствованный из юридической практики, не учитывал нравственную сторону процесса, «и поэтому на вопрос: кому дал выкуп Иисус Христос? — правильный ответ мог бы заключаться лишь в том, что Он дал выкуп Себе Самому, поскольку Он взял на Себя грехи людей, а еще лучше указать на неправильность самого вопроса»⁴.

Тем не менее, богословы разных времен пытались сделать выбор между Богом и дьяволом. Согласно теории искупления, подробно изложенной Ансельмом Кентерберийским (XI в.), Христос уплатил выкуп Богу за грехи людей. Согрешив, человек оскорбил честь Божества и поэтому подлежит бесконечному наказанию. В силу своей ограниченности, человек не может дать Божественной Правде бесконечное удовлетворение (*satisfactio*), без которого эта Правда не смогла бы простить согрешившего человека и даровать ему благодатные силы, необходимые для его спасения. Потому такое удовлетворение или выкуп дал Сын Божий, невинная и добровольная смерть Которого умилостивила Бога. Людям возвращена благодать Божия освящающая, освобождающая от греха и смерти. Для ее усвоения людям остается лишь приобрести некоторые заслуги: веру и добрые дела.

³Елевферий, митр. Об искуплении. Париж, 1937. С. 30.

⁴Православная богословская энциклопедия. Т. 5. С. 1082.

Рассуждения Ансельма Кентерберийского имеют существенные изъяны, так как «они, в сущности, не содержат учения о примирении... и представляют... человечество искупленным от гневного Бога, и Бога — удовлетворенным человеческой жертвой (!), не будучи в состоянии как следует выяснить, как в самом человеке совершается нравственное перерождение»⁵. Объяснение искупительного подвига Спасителя на основе сатисфакции проводит резкую грань между любовью и правдой Божией. «Такое резкое разделение правды и любви совершенно чуждо духу Евангелия и учению древнеотеческому, где они органически соединяются в одно целостное воззрение — в представление о Боге, как Отце Небесном, в одно и то же время благом и справедливым, благом и в судах правды Своей, которая служит орудием Его попечения о людях»⁶. При таком формальном подходе в отношения Бога и человека вводятся чисто человеческие понятия «права» и его нарушения, «оскорбления» и «удовлетворения», образующие основу юридической теории искупления. «В этой теории сказалось обмирщенное церковное сознание рыцарских средних веков, со светским воззрением на оскорбление чести, требующее сатисфакции, и перенесение этого ложного воззрения на отношение между Богом и человеком»⁷. Эта теория ограничивается рассмотрением лишь одной объективной стороны — примирения Бога с человеком. Человек с его чувствами, мыслями и стремлениями остается пассивной стороной в процессе воссоздания и обновления собственной греховной природы. Кроме того, в этом случае «жертва не может быть действительной жертвой, если она сполна основывается на юридическом начале возмездия; тогда ею достигалось бы только то, что грех не вменялся бы, но продолжал бы существовать в действительности: грех уничтожался бы *de jure*, но не уничтожался бы *de facto*»⁸.

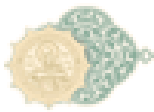
В творениях святых отцов можно обнаружить тесную связь между внутренней нравственной жизнью человека и искуплением, причем отводится место и для участия самого человека в процессе искупления. В искупительном подвиге Спасителя, в строгом смысле, нет ни заслуг, ни удовлетворения, но только одна любовь, восстанавливающая единение, нарушенное грехом. И хотя в трудах древнехристианских писателей присутствует «юридический элемент», т.е. идея о необходимости удовлетворения Божественной Правде, «но сама по себе эта идея никак не делает то или иное учение об искуплении юридическим; юридическим последнее делается от представления о способе этого удовлетворения Божественной Правде в искуплении. В схоластическо-юридическом

⁵ Гарнак А. История догматов. Общая история европейской культуры. Т. 6. Раннее христианство, отд. 2. СПб., 6/г. С. 410–411.

⁶ Светлов П. Я., прот. Православное учение об искуплении. К., 1894. С. 42.

⁷ Аквилонев Е., прот. О Спасителе и о спасении. СПб., 1906. С. 103.

⁸ Светлов П. Я., прот. Курс апологетического богословия. К., 1910. С. 287–288.

богословии все дело искупления представляется формально-юридическим актом удовлетворения оскорбленного величия Божия и Божественного правосудия, а не делом любви Божией и усыновления людей Богу»⁹. Юридический подход допустим лишь в виде аналогии, только *ad hominem*, и не может иметь решающего значения.

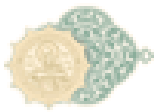
С православной точки зрения, лучше вообще отказаться от употребления термина *satisfactio* (удовлетворение): «Это понятие не библейское и по своему подлинному смыслу не христианское; у святых отцов имело значение только подготовительно-вспомогательное и служило только приемом педагогического подхода, впоследствии же, понимаемое в прямом и собственном смысле, стало вносить путаницу и противоречия в богословие; никакой необходимости в этом понятии нет, без него при духовно-нравственном истолковании искупления, догмат церковный объясняется совершенно отчетливо и без всяких противоречий беспорным истинам библейско-церковного учения»¹⁰.

Необходимо отметить, что юридическую концепцию искупительного дела Спасителя несправедливо считать совершенно неверной. Она односторонняя, неполна, и несет в себе элементы, чуждые Священному Писанию и Преданию Церкви (сатисфакция, оскорбление чести Божией и т.д.), но строится она на учении Откровения, хотя часто и искаженном. Сын Божий действительно добровольно умер на Кресте за грехи человечества и спас нас Своей Кровью. *Он взял на Себя наши немощи, — пророчествует Исаия, — и понес наши болезни... Он изъязвлен был за грехи наши, и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились... Господь возложил на Него грехи всех нас. Он истязуем был, но страдал добровольно... Он понес на Себе грех многих и за преступников сделался Ходатаем* (Ис. 53:4–7, 12). Христос взял на Себя проклятие за грехи, чтобы даровать благословение Божие: *Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою (ибо написано: проклят всяк, висящий на древе), дабы благословение Авраамово через Христа Иисуса распространилось на язычников* (Гал. 3:13–14).

Смысл Христовой Жертвы заключается в примирении, восстановлении союза между Богом и человеком. Поэтому искупительное дело Христа необходимо рассматривать как органическое единство двух сторон: объективной (проявление любви Божией к человеку в установлении Нового Завета (см.: Лк. 22:20)) и субъективной (примирение человека с Богом). Как правильно пишет протоиерей Георгий Флоровский: «Смерть на Кресте возымела действие не как смерть Невинного, но как смерть Воплощенного Господа». Дело не в том, чтобы дать удов-

⁹ Светлов П. Я., прот. Крест Христов. Значение Креста Христова в деле Христовом. (Опыт изъяснения догмата искупления). К., 1907. С. 213–214.

¹⁰ Петров Н., свящ. О юридической и нравственной теориях искупления. Оттиск из журнала «Православный собеседник». 1915. Январь. С. 11.

летворение требованиям закона, но в том, чтобы преодолеть пугающую космическую реальность смерти, которая держала человечество в своей узурпированной власти и загоняла его в порочный круг греха и испорченности¹¹. «Главная опасность юридической теории в том, что при ней человек может считать себя как бы вправе не принадлежать Богу всем своим сердцем и помышлением: в юридическом союзе такой близости не предполагается и не требуется; там нужно соблюдать только внешние условия союза вопреки слову Апостола: *Я ищу не вашего, а вас* (2 Кор. 12:14)»¹².

Другим серьезным изъяном юридической теории искупления является ее антропоморфное представление Божества. Бог требует выкупа для удовлетворения Своего чувства оскорбленного достоинства. Это противоречит учению о Боге как о Существе всеблагом и неизменяемом.

Основным законом Божественной жизни является любовь. В Боге нет противоречия между правдой и любовью. Святые отцы Востока никогда не противопоставляли эти понятия: «...Бог не столько радуется, когда Его называют Владыкой, сколько тогда, когда Его называют Отцом... чтобы мы возлюбili Его не только как Владыку, но и как Отца»¹³. Таким образом, в православной сотериологии устанавливается тесная связь между внутренней нравственной жизнью человека и искуплением; отводится место для участия самого человека в процессе искупления и примирения с Богом.

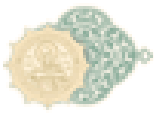
Так называемая юридическая теория искупления имела свое отражение и в русской богословской науке. Среди ее исследователей нам известны имена следующих богословов: митр. Макарий (Булгаков), митр. Антоний (Храповицкий), архим. Сергей (Страгородский) (впоследствии — Святейший Патриарх Московский и всея Руси), митр. Литовский и Виленский Елевферий (Богоявленский), архиеп. Серафим (Соболев), проф. прот. Петр Гнедич, прот. Павел Яковлевич Светлов, прот. Иоанн Мейендорф, профессор догматического богословия Киевской духовной академии М. Скабалланович, профессор догматического богословия Казанской духовной академии Е.А. Бударин и преподаватели духовных семинарий магистры П. Левитов и П. Нечаев, профессор И. Айвазов, профессор Н.Н. Глубоковский, профессор В.Н. Лосский, прот. Георгий Флоровский...

Митрополит Антоний (Храповицкий) в статье «Догмат искупления», написанной им в 1917 году, говорит: «В настоящее время в науке достаточно выяснено, что:

¹¹ Мейендорф Иоанн, прот. Византийское богословие. Исторические тенденции и доктринальные темы / Пер. с англ. В. Марутика. — Мн., Лучи Софии. 2001. С. 231.

¹² Сергей (Страгородский), архим. Православное учение о спасении. М., 1991. С. 7.

¹³ Иоанн Златоуст, свт. Творения. Т. 9. Кн. 2. Беседа 10 на послание к Римлянам. СПб., 1903. С. 602.

1. Школьно-катехизическое и школьно-богословское учение об искуплении всецело заимствовано из неправославного латинского учения в его формулировке Ансельмом Кентерберийским, Фомой Аквинатом и Петром Ломбардом.

2. Его нет ни в святой Библии, ни у святых отцов: ибо ни тут, ни там не встречаем терминов *заслуги* и *удовлетворение*, на каковых юридических понятиях всецело покоится современное школьное учение об Искупителе.

3. Доказано, что это учение не может быть согласовано ни с учением о Божественной правде, ни с учением об Его милосердии, хотя оно и претендует на введение сюда того и другого Божественного свойства»¹⁴.

Вполне соглашаясь с этим высказыванием митрополита Антония, автор исследования «Догмат искупления в русской богословской науке последнего пятидесятилетия» (Л., 1953), священник, позже протоиерей, профессор Московской духовной академии *Петр Викторович Гнедич* писал: «К концу прошлого века в русском “научном богословии” большой авторитет имела догматическая система митрополита Макария (Булгакова)... Изложенное в ней учение об искуплении оказалось тем общепринятым, “школьным” и “традиционным” пониманием, которое подверглось обсуждению в литературе рассматриваемого периода. Основу этого понимания составляет такое понятие о Боге и Его свойствах, по которому свойства благодати (или любви) и правды (или правосудия, справедливости) в Боге резко различаются и даже противопологаются. Так же противопологаются и действия этих свойств, так как каждому свойству Божества приписывается “свойственное ему действие”. Грех человека “оскорбляет Бога”, возбуждает действие Его правосудия или “гнев”, выражающийся во “вражде Бога к человеку”, проклятии его Богом, и их следствии — наказании грешника, его каре»¹⁵.

Митрополит Макарий излагает свое понимание искупления во втором томе своего «Православно-догматического богословия», в параграфе 124:

«Три великие зла совершил человек, не устояв в первобытном завете с Богом:

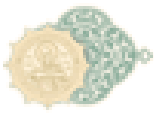
а) бесконечно оскорбил грехом своего бесконечно благого, но и беспрельдно великого, беспредельно правосудного Создателя, и чрез то подвергся вечному проклятию;

б) заразил грехом всё свое существо, созданное добрым: помрачил свой разум, извратил волю, исказил в себе образ Божий;

¹⁴ Антоний (Храповицкий), митр. Нравственные идеи важнейших христианских православных догматов: Посмертное издание Северо-Американской и Канадской епархии. 1963. С. 72.

¹⁵ Там же. С. 5–6.

в) произвел грехом гибельные для себя последствия в собственной природе и в природе внешней.

Следовательно, чтобы спасти человека от всех этих зол, чтобы воссоединить его с Богом и сделать снова блаженным, надлежало:

а) удовлетворить за грешника бесконечной правде Божией, оскорбленной его грехопадением, — не потому что Бог искал мщения, но потому, что никакое свойство Божие не может быть лишено свойственного ему действия: без выполнения этого условия человек навсегда остался бы пред правосудием Божиим “чадом гнева” (Еф. 2:3), чадом проклятия (Гал. 3:10), и примирение, воссоединение Бога с человеком не могло бы даже начаться;

б) потребить грех во всем существе человека, просветить его разум, исправить его волю, восстановить в нём образ Божий: потому что и по удовлетворении правде Божией, если бы существо человека оставалось греховным и нечистым, если бы разум его оставался во мраке и образ Божий искаженным, — общение между Богом и человеком не могло бы состояться, как между светом и тьмою (2 Кор. 6:14);

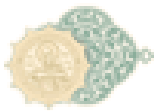
в) истребить гибельные последствия, произведенные грехом человека в его природе и в природе внешней: потому что, если бы и началось, если бы и состоялось воссоединение Бога с человеком, последний не мог бы сделаться снова блаженным, пока или чувствовал бы в самом себе, или испытывал бы извне эти бедственные последствия.

Кто же мог выполнить все означенные условия? Никто, кроме Единого Бога. Для выполнения первого условия, т.е. для удовлетворения правде Божией за грех человека, требовалось столько же бесконечная умиловительная жертва, сколько бесконечно оскорбление, принесенное человеком Богу, сколько бесконечна сама вечная правда. Но такой жертвы не мог принести никто из людей: ибо все люди до единого всецело заражены грехом, и, следовательно, все и всецело находятся под клятвою Божиею. А потому, что бы ни принес каждый из них, за себя ли или за других, какие бы ни совершил действия, какие бы ни претерпел лишения и страдания, — все это не могло бы быть угодным Богу, не могло бы умиловить Его... Такую умиловительную жертву за грехи человека, вполне достаточную для удовлетворения бесконечной правде, мог принести один только высочайше-премудрый и всемогущий Бог»¹⁶.

Сказав далее, что выполнить второе и третье условия мог также один лишь Бог, митрополит Макарий в следующем, 125 параграфе, говорит, что, добровольно восхотев сделаться человеком, принять на себя все грехи человеческие, Единородный Сын Божий совершил Свой искупитель-

¹⁶ Макарий (Булгаков), митр. Православно-догматическое богословие. Тугаев, 1999. Т. 2. С. 10–11.

ный подвиг, закончившийся крестной смертью. При этом «проявились совершенства Божии в высшей степени и в полном согласии»¹⁷.

«Проявилась бесконечная благодсть Божия: *ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную* (Ин. 3:16). Проявилась бесконечная правда Божия, когда для ее удовлетворения потребовалась такая чрезвычайная, изумительная жертва: смерть Богочеловека... Проявилась бесконечная премудрость Божия, которая обрела способность примирить в деле искупления человека вечную правду с вечной благодстью, удовлетворить той и другой и спасти погибшего»¹⁸.

В § 153 *митрополит Макарий* говорит: «Вся тайна нашего искупления смертью Иисуса Христа состоит в том, что Он взамен нас уплатил Своею кровью *долг* и вполне удовлетворил правде Божией за наши грехи, — [долг], который мы сами уплатить были не в состоянии; иначе, — взамен нас исполнил и потерпел всё, что только требовалось для отпущения наших грехов»¹⁹.

«Потому-то мы и веруем, что страдания и смерть нашего Спасителя имеют значение не только выкупа за нас и уплаты долга, но и значение величайших заслуг пред судом вечной Правды, ради которых Бог *вся нам дарствует* (Рим. 8:32)»²⁰.

Свое изложение *митрополит Макарий* заканчивает цитатой из «Пространного Катехизиса»: «Его (то есть Иисуса Христа) вольное страдание и крестная смерть за нас, будучи бесконечной цены и достоинства, как безгрешного и Богочеловека, есть и совершенное *удовлетворение* Правосудию Божию, осудившему нас за грех на смерть, и безмерная *заслуга*, приобретающая Ему право, без оскорбления правосудия, подавать нам, грешным, прощение грехов и благодать для победы над грехом и смертью»²¹.

Термины, употребляемые в этом изложении, — *оскорбление* и *удовлетворение* за него, *заслуги* и *приобретение права*, *выкуп*, *долг* и его *уплата*, дали основание для наименования подобного толкования *юридическим* или *юридической теорией* искупления, — пишет в своем вышеупомянутом исследовании протоиерей Петр Гнедич.

К числу сторонников юридической теории искупления до 1917 года он относит и профессора догматического богословия Казанской духов-

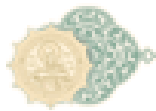
¹⁷ Макарий (Булгаков), митр. Православно-догматическое богословие. Тугаев, 1999. Т. 2. С. 15–16.

¹⁸ Макарий (Булгаков), митр. Православно-догматическое богословие. 4-е изд. СПб., 1883. С. 10–12, 15.

¹⁹ Макарий (Булгаков), митр. Православно-догматическое богословие. Тугаев, 1999. Т. 2. С. 1.

²⁰ Там же. С. 154.

²¹ Там же. С. 154.

ной академии Е.А. Бударина и преподавателей духовных семинарий магистров П. Левитова и П. Нечаева.

Профессор Бударин в Отзыве о сочинении профессора В. Несмелова «Наука о человеке», напечатанном в 1908 году в журнале «Православный Собеседник», возражал против употребления самого термина «юридическая теория искупления» как имеющего западное происхождение, и в то же время говорил о воззрениях Ансельма Кентерберийского как об учении, «в сущности, совершенно согласном со Словом Божиим и учением Церкви» (Отзыв. С. 204).

П. Нечаев в статье «Правда Божия и неправда человеческая на Голгофе», напечатанной в 1909 году в журнале «Вера и Разум», писал о теории Ансельма, что она «является типичнейшим выражением общецерковного учения об удовлетворении Правде Божией жертвой Иисуса Христа и всегда им останется»²².

П. Левитова протоиерей Петр Гнедич называет «одним из наиболее серьезных защитников "юридической теории"»²³. В статье «В защиту юридической теории искупления», помещенной в 5-м номере журнала «Вера и Разум» за 1916 год, он пишет: «Обилие в Слове Божиим выражений, заключающих в себе мысль об удовлетворении Божественному правосудию, принесенному Спасителем за нашу вину, в связи с устойчивостью церковной традиции ("распятого же за ны"), всегда признававшей юридический элемент в грехопадении и искуплении, является для нас первым основанием, по которому мы не хотим отбросить юридическую теорию как схоластическую, устарелую и ложную... Мысль об этом (юридическом значении искупления), так сказать, красной нитью проходит через всё Священное Писание Нового Завета, а в особенности — послания апостола Павла; текстов, ее подтверждавших, так много, и они так определены, что истолковать их в каком-нибудь ином смысле было бы очевидной натяжкой»²⁴.

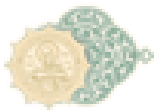
К сочинениям в защиту юридической теории искупления отец Петр относит и статью профессора догматического богословия Киевской духовной академии М. Скабаллановича «Об искуплении»²⁵, помещенную в журнале «Христианин», характеризуя ее как «интересную по своему

²² Нечаев П. Правда Божия и неправда человеческая на Голгофе // «Вера и Разум». 1909. С. 592.

²³ См.: Левитов П. В защиту юридической теории искупления // «Вера и Разум». 1916. № 5. С. 609–610. Воронов Ливерий, прот. Догматическое Богословие. Клин, 2000. С. 77.

²⁴ Гнедич П.В. Догмат искупления в русской богословской науке последнего пятидесятилетия. Л., 1953. С. 285, прим. 1.

²⁵ Скабалланович М. Об искуплении // «Христианин». 1909. №3. С. 492–498. Воронов Ливерий, прот. Догматическое Богословие. Клин, 2000. С. 77.

изложению и прямолинейности, по отчетливости формулировок и выводов».

Профессор М. Скабалланович высоко оценивал труд Ансельма Кентерберийского «*Cur Deus homo*». В одном из отзывов о студенческих сочинениях он писал: «Только малая доступность для наших богословов сочинений Ансельма делает возможными те обидные для него суждения, которые смело высказываются о нём явно не читавшими его»²⁶. Прочитав это место из статьи профессора М. Скабаллановича, Петр Гнедич напоминает, что в «Учебно-богословских и проповеднических опытах студентов Киевской духовной академии» (Вып. 8, Киев, 1911) был напечатан перевод на русский язык трактата Ансельма Кентерберийского «Почему Бог стал человеком».

Наиболее видными защитниками юридической теории искупления после 1917 года были митрополит Литовский и Виленский Елевферий (Богоявленский) (1869–1940 гг.) и архиепископ Серафим (Соболев) (1881–1950 гг.)²⁷.

Митрополиту Елевферию принадлежит труд (объемом в 196 страниц) об искуплении, в котором, в частности, читаем: «Пусть термины — *удовлетворение, заслуги* — взяты в богословии из римского права; но дело, конечно, не в них, как словах, а в самых актах Искупления, которые для лучшего человеческого понимания их более правильно определяются этими терминами. И применять их к сему делу, по-моему, несколько не предосудительно для выражения православного понимания Искупления»²⁸.

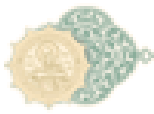
Архиепископ Серафим — автор труда «Искажение Православной истины в русской богословской мысли», изданного в Софии в 1943 году. В нем есть следующие статьи: «По поводу статьи митрополита Антония (Храповицкого) “Догмат искупления”»; «По поводу книги архимандрита Сергия “Православное учение о спасении”»; «По поводу сочинения иеромонаха Тарасия (Курганского) “Великороссийское и малороссийское богословие XVI–XVII вв.”».

В статье по поводу книги архимандрита Сергия архиепископ Серафим писал: «Понимание спасения у архимандрита Сергия (Страгородского), как проистекающее из отрицания правовой точки зрения, является неправильным... Отвергая в учении о нашем спасении правовое воззрение через отрицание взгляда на Христа, как на умиловительную жертву,

²⁶ Гнедич П. В. Догмат искупления в русской богословской науке последнего пятидесятилетия. Л., 1953. С. 164, прим. 3.

²⁷ Сведения о жизни и деятельности этих иерархов приведены в статьях: о митрополите Елевферии: Ведерников А. Блеститель канонической истины // ЖМП. 1957. № 9. С. 65–76; об архиепископе Серафиме: Ведерников А. Архиепископ Серафим (Соболев) // ЖМП. 1950. № 4. С. 21–28.

²⁸ Воронов Ливерий, прот. Догматическое Богословие. Клин, 2000. С. 79.

мы не только впадаем в одностороннее понимание дела нашего спасения, но и ниспровергаем Божественное домостроительство в самой его основе... Этой основой является искупительная жертва Христа, которая... совершилась в удовлетворение Божественного правосудия»²⁹.

Преосвященный Серафим подверг резкой критике книгу иеромонаха Тарасия, о которой и прот. Петр Гнедич, профессор Московской Духовной Академии, отмечает, что в основе этой теории лежит «такое понятие о Боге и Его свойствах, по которому свойства благодати или любви и правды или справедливости в Боге резко различаются и даже противопологаются, также противопологаются и действия этих свойств, т. к. каждому свойству Божества приписывается свойственное ему действие. Проникновение его (такого учения) в русское богословие в последующий период вызывается прямым заимствованием его из готовых догматических систем Запада»³⁰. В догматических системах прот. Н. Малиновского и епископа Сильвестра (Малеванского) учение об Искуплении также излагается в соответствии с основными принципами юридической теории, хотя последний стремится несколько смягчить ее крайности и избегает таких откровенных схоластических терминов как «удовлетворение», «заслуга», «оскорбление», «уплата долга».

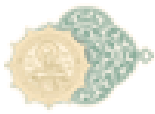
«Последним защитником юридической теории»³¹ назвал протоиерей Петр Гнедич автора статьи «Догмат искупления», профессора И. Айвазова.

«Изложив, — пишет профессор Айвазов, — понимание догмата искупления по основным источникам христианского вероучения и по творениям святых отцов после апостольского времени, имеющим значение во Вселенской Православной Церкви, мы приходим к единственному заключению, что содержащее Русской Православной Церковью учение об искуплении рода человеческого Иисусом Христом является вполне правильным, как стоящее в полном согласии с учением Иисуса Христа, святых апостолов, святых отцов и учителей Вселенской Православной Церкви Христовой, что и “Катехизис” митрополита Филарета (Дроздова) и капитальные труды по “Догматическому богословию” архиепископа Филарета (Амфиатеатрова), митрополита Макария (Бугакова) и епископа Сильвестра в изложении учения об искуплении содержат не что-либо новое, а остаются верными пониманию искупления Вселенской Церковью Христовой со времен Христа и святых апостолов. Всякое иное толкование догмата искупления будет пагубным для верующих в Иисуса

²⁹ Воронов Ливерий, прот. Догматическое Богословие. Клин, 2000. С. 79.

³⁰ Василий (Кривошеин), архиеп. Обзор существующих символических документов. М., 2000. С. 27.

³¹ ЖМП. 1952. № 1. С. 64–76.

Христа, поставит их вне Церкви Христовой, отторгнет их от Христа, хотя бы лжеудруствующие и прикрывались именем Иисуса Христа»³².

Исследованиями, положившими начало критике юридической теории искупления, считаются диссертации: профессора Киевского университета святого Владимира протоиерея Павла Яковлевича Светлова (1862–1945 гг.) и архимандрита, впоследствии Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Сергия (Страгородского) (1867–1944 гг.)³³.

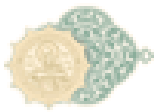
В своей магистерской диссертации «Крест Христов — значение Креста в деле Христовом» (защита состоялась в Московской духовной академии в 1893 году) протоиерей Павел Светлов писал: «Слово крестное в учении схоластического богословия перестает быть утешительной для ума и сердца истиной... Скажу более, здесь схоластически мертвым и узким толкованием величайшей христианской истины по-своему *упраздняется Крест Христов* (1 Кор. 1:17), усиливается соблазн и неразумие Креста для иудействующих и неверующих, и само христианство в целом многое теряет в своем Божественном величии и истинном обаянии над умами и совестью людей... Всё необъятно-великое содержание слова крестного в схоластическом богословии стремятся заключить в узкой формуле учения о сатисфакции. Крест — кровавая уплата за грехи людей бесконечному Божию правосудию. Величие Божие, оскорбленное грехом неповиновения твари Творцу, правосудный гнев Бога, бесконечная виновность человека, незаслуженная снисходительность к нему Владыки вселенной, купленная ценой крови Сына Божия, — вот идеи, около которых вращается схоластическая мысль, подавленная рабским страхом перед величием Бога, Его бесконечным правосудным гневом против людей и бесконечной виновностью последних. Места светлому чувству радости и сыновней близости людей к Богу и Христу Его нет в этой формуле...»³⁴

Архимандрит Сергий (Страгородский) представил в 1895 году на соискание ученой степени магистра богословия свой труд «Православное учение о спасении». В нём он мало говорит об объективной стороне искупления (о значении крестной жертвы в деле спасения людей), однако высказывает много весьма ценных критических замечаний против юридического понимания процесса спасения. «Самая сущность христианства, — пишет архимандрит Сергий, — оказывается искаженной при юридическом жизнепонимании: теряется возвышенность и духовность представления о Боге» (Православное учение... Диссертация. С. 93). Юридическое жизнепонимание «непримиримо противоречит христианскому жизнепониманию, как оно выражено в Священном Писании и творениях отцов Церкви» (С. 95). «Возможны ли правовые

³² Воронов Ливерий, прот. Догматическое Богословие. Клин, 2000. С. 80.

³³ Там же. С. 83.

³⁴ Светлов П. Я., прот. Цит. соч. С. 9.

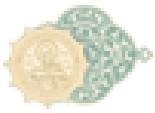
отношения между Богом и человеком? На основании Священного Писания и Предания, говорим, что невозможны» (С. 71).

«Любовь составляет основной закон Божественной жизни» (С. 110). В умах святых отцов никогда не возникало противоречия между правосудием и любовью Божественной. «В творениях отцов правда Божия и любовь никогда не ставятся одна против другой» (С. 142–143). «Домостроительство Божие направляется не к тому, чтобы как-нибудь примирить образовавшееся в Боге раздвоение между любовью и правдой (раздвоение, с трудом допустимое в Едином и всегда тождественном Себе Существо), а к тому, чтобы как-нибудь спасти погибшую овцу, чтобы как-нибудь устроить обращение человека на путь истины» (С. 169). «Церковь наша... видит во Христе не пассивное лишь орудие умилоствления, а Восстановителя нашего падшего естества... называет Его Вторым Адамом» (С. 13). Решительным противником юридической теории искупления был архиепископ, позже митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Храповицкий) (1863–1936 гг.). Выразив свою уверенность в том, что такого учения «нет ни в святой Библии, ни у святых Отцов», и что учение это не может быть согласовано ни с учением о Божественной правде, ни с учением о Божественном милосердии, митрополит Антоний упоминает затем о некоторых сочинениях русских богословов — противников юридической теории искупления. «Обширная диссертация протоиерея Светлова “Значение Креста в деле Христовом” и другие его сочинения, — говорит он, — являются обоснованным опровержением школьной теории»³⁵. Диссертацию архиепископа Сергия митрополит Антоний называет «прекрасной», поскольку она, «опираясь всецело на отцов Церкви... устанавливает ту простую, но утерянную схоластическим богословием Запада, истину, что спасение наше есть не иное что, как наше духовное усовершенствование, подавление похотей, постепенное освобождение от страстей и общение с Богом... Эта диссертация освобождает понятие о нашем спасении от тех внеморальных, юридических условностей, коими латиняне и протестанты (хотя в различных направлениях) глубоко понизили самую цель христианства, выраженную в словах апостола: *Сия бо есть воля Божия, святость ваша* (1 Фес. 4:3)»³⁶.

В 1924 году митрополит Антоний издал свой «Опыт христианского православного катехизиса», используя текст Пространного Катехизиса митрополита Филарета (Дроздова), однако значительно изменив многое в соответствии со своими богословскими взглядами. В нём, как и в статье «Догмат искупления», критикуя юридическую теорию

³⁵ Гнедич П. В. Догмат искупления в русской богословской науке последнего пятидесятилетия. Л., 1953. С. 73.

³⁶ Там же. С. 80

искупления, митрополит Антоний излагает свое понимание важнейшего христианского догмата, к сожалению, с явным уклоном от чистоты Православия. По выражению митрополита Елевферия (Богоявленского), в этих сочинениях митрополита Антония «всё искупление сводится к Гефсиманскому подвигу, к борению “сострадательной любви” Христа с грехами всего человечества» и тем самым умаляется значение крестных страданий Господа Иисуса Христа как центрального события искупительного подвига Богочеловека³⁷.

Убедленным противником юридического понимания искупления был архимандрит Иларион (Троицкий), профессор кафедры Священного Писания Нового Завета Московской духовной академии, впоследствии архиепископ Крутицкий, ныне прославленный как новомученик. «Архимандрит Иларион, — пишет протоиерей Петр Гнедич, — не оставил специального труда по изложению учения об искуплении, но он писал и говорил о нём где только мог — в статьях, лекциях, отзывах о студенческих сочинениях и так далее. Наибольший интерес представляет его лекция “Богословие и свобода Церкви” и статья “Вифлеем и Голгофа”. В его статьях и лекциях имеется ряд ярких и убедительных примеров, где отдельные места из “Догматики” митрополита Макария противопоставляются учению святых Отцов или тексту богослужебных песнопений».

«Сравнительно с Григорием Богословом, — говорит архимандрит Иларион, — в семинарском учебнике митрополит Макарий о спасении мудрствует иначе.

Григорий Богослов: “Главное одно: мое совершение, воссоздание и возвращение к первому Адаму”.

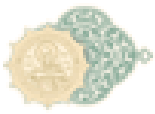
Митрополит Макарий: “Вся тайна нашего искупления смертью Иисуса Христа состоит в том, что Он, взамен нас, уплатил Своей кровью долг правде Божией за наши грехи”.

Вот что сделало с нашим богословием латинское и немецкое рабство! В учении о спасении от греха это рабство отторгло наше богословие от Григория Богослова и иных отцов Церкви и приблизило к Ансельму и прочим отцам схоластики... Смотрите, какое разногласие между Церковью и школой! Классная кафедра духовной школы, и церковный амвон и клирос, в одно и то же время говорят на разных богословских языках».

В статье «Вифлеем и Голгофа» архимандрит Иларион писал: «Невозможно согласиться с юридической теорией спасения, которая пренебрегает и Воплощением, и Воскресением, а знает одну только Голгофу с померкшим солнцем, со смятенной тварью, с трепещущей землей, с распадающимися камнями. Эта теория — чуждая, не церковная, в церковное богословие проникшая всего только двести лет назад, утвер-

³⁷ Воронов Ливерий, прот. Догматическое Богословие. Клин, 2000. С. 86.

дившаяся здесь после разгрома Православной Русской Церкви Петром Первым. Даже такие, безусловно чуждые Православию понятия, как “удовлетворение” и “заслуга”, у нас находят защитников. А, по-моему, допустить эти понятия в богословие — значит исказить чистый образ здравых учений о спасении... Благодарение Господу Богу, слепое доверие к измышлениям католического средневековья у нас на Руси за последние 25 лет стало значительно колебаться... Мне думается, что без юридического элемента вполне можно обойтись и в области вероучения, и в области нравоучения...»³⁸

Иногда критики юридической теории искупления впадали в другую крайность: в искупительном подвиге Христа они видели почти исключительно этическую его сторону. Богочеловек, оказав всецелое послушание Небесному Отцу и преодолев все искушения, явил высочайший пример для подражания, показав человеку путь к достижению праведности и святости. Такая мысль характерна для сочинения профессора кафедры нравственного богословия Московской духовной академии М.М. Тареева под названием «Искушения Богочеловека как единый искупительный подвиг всей земной жизни Христа» (Москва. 1892 г.), а также для высказываний профессора Казанского университета священника Н.В. Петрова, содержащихся в его лекции «Об искушении» (Казань. 1915). Профессор священник Петров сам назвал свое понимание сущности искупления нравственной теорией искупления, противопоставив ее теории юридической.

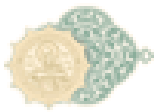
Профессор Н. Н. Глубоковский, упомянув о целом ряде русских богословских трудов, посвященных проблеме искупления, говорит: «Очевидно, что, *отвергая крайности узкоконфессиональной доктрины о сатисфакции, русское богословие в общем твердо удерживает библейскую идею удовлетворения Голгофским искуплением Христовым*, поскольку обратное сему понимание не согласно ни с учением, ни с богослужебной практикой Церкви»³⁹.

В 1927–1931 годах находившийся в Арзамасе архиепископ Гурий (Степанов), магистр богословия, бывший инспектор Казанской духовной академии, написал исследование «Богозданный человек: Опыт православной традиции жизни», во второй главе которого раскрывается учение об искуплении. Автор признает неудовлетворительными обе крайности, допускаемые при объяснении тайны искупления: так называемую юридическую теорию искупления и теорию, именуемую нравственной.

«В юридической теории, созданной западным мышлением, воспитавшимся в узких рамках римского юризма, дается внешнее истол-

³⁸ Воронов Ливерий, прот. Догматическое Богословие. Клин, 2000. С. 88.

³⁹ Там же. С. 89.

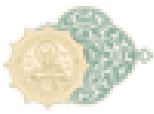

кование тайны искупления... Все существенные черты этой теории построены на базе обычно практикующихся (греховных, себялюбивых) отношений между людьми и облечены в форму строгого юридикализма. Они несоизмеримы с понятием Бога Любви, почему и вся *юридическая теория истолкования тайны искупления, помещающаяся на страницах наших учебных руководств по догматическому богословию, оставаясь достоянием ума, ничего не говорит христианскому сердцу. Нравственная теория искупления*, появившаяся в результате критики юридической теории и в противовес ей, как любая теория, выступающая в противовес другой, сильна критикой юридической теории, оттенением ее неудачных сторон, но *слаба положительным содержанием. Жертвенный подвиг Спасителя мира в ее устах — более показательный образец указуемой нам Христом жизни, чем существенным образом спасающая нас и необходимая для нашего спасения Голгофская жертва*. Явившись как протест против юридического понимания жертвы искупления, эта теория проявила естественную для духа критицизма тенденцию к умалению искупительного значения Голгофской жертвы»⁴⁰.

Достаточно критически отзываясь о нравственной теории искупления профессор Московской духовной академии И. Айвазов, в прошлом — известный миссионер. «В богословской литературе, — пишет он, — появляются сочинения, модернизирующие православное учение об искуплении... Их авторы говорят, что традиционное учение Православной Церкви об искуплении рода человеческого Голгофской жертвой якобы противоречит христианскому понятию о Боге, поскольку в самом Существовании Его неизменно и неизменно пребывает любовь. Эта любовь, — утверждают они, — чужда всякого “оскорбления”, всякой “вражды” к человеку, всякого “гнева” на людей. Она не требует от рода человеческого никакого “искупления” или “выкупа” за грехи, не требует никакого удовлетворения правды Божией за содеянные человечеством грехи или преступления перед Богом, как равно не требует от рода человеческого и никакой, а тем более, кровавой “умилостивительной жертвы” Богу за грехи всего мира.

По их мнению, искупление рода человеческого Иисусом Христом имеет исключительно “этическое”, моральное, “нравственно-субъективное” значение в деле спасения человека, что в “искуплении” дан роду человеческому только идеал высочайшей нравственной жизни человека по образу Иисуса Христа, идеал “сострадательной любви” к падшему человечеству, охватывающей собою всё человечество и в отдельности каждого человека. Этот идеал субъективно усваивается каждым человеком и реализуется им в жизни через “подражание” Христу. Исключительно о таком нравственном значении “искупления” якобы и говорит

⁴⁰ Богословские труды. М., Издательство Московской Патриархии. Вып. 12. С. 39–40.

Священное Писание и святоотеческие творения. Такие суждения об искуплении наиболее ярко выражены в догматических сочинениях митрополита Антония (Храповицкого). Он считает “искупление” делом сострадательной любви Христа к падшим людям. Эта сострадательная любовь достигла своей кульминации в Первосвященнической молитве Христа в Гефсиманском саду. В этой молитве и “состояло наше искупление”. По словам митрополита Антония, “Господне распятие и смерть не являются лишними значения для нашего спасения, ибо, умиляя людей, они открывают им некоторую часть искупительной жертвы, вводя их в любовь к Христу... Телесные муки и телесная смерть Христовы нужны, прежде всего, для того, чтобы верующие оценили силу Его душевных страданий”.

К каким же последствиям ведет модернизация православного учения об “искуплении”, признание за “искуплением” исключительно морального, “нравственно-субъективного” значения для рода человеческого?

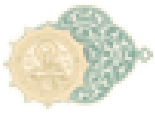
Если признать, что вся заслуга Иисуса Христа перед родом человеческим заключается только в том, что Он возвестил миру высочайший нравственный закон, регулирующий взаимные отношения между людьми, а в Своей жизни и особенно в Своей смерти дал образ выполнения этого закона, то ясно, что таким учением отрицается полное повреждение в первородном грехе всей природы человека — духовной и телесной, а признается только нравственное падение человека, как об этом учил еретик Пелагий. И если человек может восстановить свое первобытное нравственное совершенство только своим, нравственно-субъективным восприятием морального идеала, показанного Христом, может своими силами осуществить этот идеал в своей жизни, то, конечно, этим отмечается “искупление” грехов рода человеческого “драгоценною кровью Христа”. Крестная смерть, таким образом, теряет свою исключительную ценность в деле спасения человека. Она, как это утверждают митрополит Антоний (Храповицкий) и другие его единомышленники, может еще иметь некоторую ценность, может еще быть *не лишеной некоторого значения*, как стимул к нравственной жизни во Христе, без какового стимула, однако, могут и обойтись морально более окрепшие люди.

Таким учением об «искуплении» Сам Искупитель — Христос, из Богочеловека превращается в величайшего моралиста рода человеческого, а вместе с этим «отпадают и великая тайна воплощения Бога (1 Тим. 3:16) и Воскресение Христа, словом, те догматы, которые лежат в основе христианства...»⁴¹.

В «Журнале Московской Патриархии»⁴² помещена переведенная с французского на русский язык статья профессора В.Н. Лоссского «Ис-

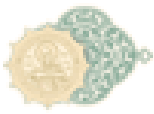
⁴¹ Айвазов И., проф. Догмат искупления // ЖМП. 1952. № 1. С. 64, 65–66.

⁴² ЖМП. 1967. № 9. С. 65–72.

купление и обожение», опубликованная впервые в 1953 году в пятидесятом номере «Вестника русского Западно-европейского патриаршего экзархата». Она начинается следующими словами: «Бог сделался человеком, дабы человек смог стать Богом». Эти глубокие слова, которые мы впервые находим у святого Ириней («Господь наш по неизмеримой благодати Своей сделался тем, что и мы, дабы нас сделать тем, что есть Он»), встречаются затем и в трудах святителя Афанасия («Он (Сын Божий) вочеловечился, чтобы мы обожились»), святителя Григория Богослова, святого Григория Нисского. Впоследствии, отцы Церкви и православные богословы повторяли их из века в век, желая выразить в этой, предельно краткой фразе, самую сущность христианства: неизреченное снисхождение Бога до последних пределов нашего человеческого падения, до смерти, — снисхождение, открывающее людям путь восхождения, безграничные горизонты соединения твари с Божеством... Нужно было добровольное уничтожение Сына Божия, дабы падшие люди смогли выполнить свое призвание, призвание к обожению (θεωσις) твари действием нетварной благодати. Если соединение твари (т.е. сотворенного человеческого естества — Л. В.) с Богом осуществлено в Божественном Лице Сына — Бога, ставшего человеком, — то нужно, чтобы оно осуществилось и в каждой человеческой личности. Нужно, чтобы каждый из нас также стал богом по благодати, или причастником Божеского естества, по выражению святого апостола Петра (2 Пет. 1:4).

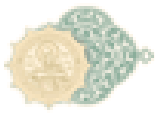
...Мы не знаем иного человеческого состояния, кроме того, которое последовало за первородным грехом, состояния, в котором наше обожение стало невозможным без Воплощения Сына... Сын Божий сошел с небес, чтобы совершить дело нашего спасения, освободить нас от пленения диаволом, упразднить господство греха в нашей природе, победить смерть — дань греху. Страдания, смерть и Воскресение Христовы, через которые совершился Его искупительный подвиг, занимают, следовательно, центральное место в Божественном домостроительстве по отношению к падшему миру. Поэтому вполне понятно, что догмат об искуплении приобретает важнейшее значение в богословской мысли Церкви. Однако, когда мы желаем рассматривать догмат об искуплении отдельно, изолируя его от совокупности христианского учения, мы всегда рискуем ограничить Предание. Ансельм Кентерберийский первый попытался развить догмат об искуплении отдельно, отсекая от него всё остальное. Христианские горизонты оказываются ограниченными драмой, которая разыгрывается между Богом, бесконечно оскорбленным грехом, и человеком, не способным удовлетворить требованиям карающей справедливости. Эта драма находит разрешение в смерти Христа, Сына Божия, ставшего человеком, чтобы заменить нас С собой и упла-

тить наш долг Божественному правосудию. Но в чем же тогда заключается домостроительное действие Святого Духа? Поскольку цена нашего искупления внесена смертью Христовой, Воскресение и Вознесение представляют собой лишь славное завершение Его подвига, своего рода апофеоз, не имеющий прямого отношения к нашей участи. Это «искупительное» богословие, сосредоточенное исключительно на страданиях Христа, по-видимому, не интересуется Его торжеством над смертью. Сам подвиг Христа-Искупителя, которым это богословие ограничивается, представляется урезанным, обедненным, сведенным к перемене отношения Бога к падшим людям, вне какого-либо отношения к самой природе человечества.

Совершенно иное понимание искупительного подвига Христа встречаем мы, например, у святителя Афанасия. Христос, — говорит он, — предав смерти храм Своего Тела, принес жертву за всех людей, дабы сделать их невинными и свободными от первородного греха, с одной стороны, а с другой — дабы показать Себя победителем смерти, и нетление Своего собственного Тела сделать началом всеобщего воскресения. Здесь *юридический образ* Искупления дополняется другим — образом *физическим*, или, вернее, *биологическим образом* победы жизни над смертью, нетления, торжествующего в растленной грехом природе.

Вообще у отцов, как и в Священном Писании, мы находим *много образов* для выражения тайны нашего спасения, совершенного Христом. Так, в Евангелии Добрый Пастырь (см.: Мф. 18:12–14; Лк. 15, 4–7; Ин. 10:1–16) является *пастырским образом* подвига Христова; победитель сильного человека, отнимающий у него оружие и овладевающий его именем (см.: Мф. 12:29; Мк. 3:27; Лк. 11:21–22), является *воинским образом*, часто повторяющимся у отцов и в богослужении, — это Христос, торжествующий над дьяволом, сокрушающий врата ада, делающий Своим стягом Крест (Святителя Афанасия Великого Слово о воплощении Бога Слова и о пришествии Его к нам во плоти. Гл. 30). Существует и *врачебный образ* — образ больной природы, исцеляемой противоядием спасения (Святого Иоанна Дамаскина третье Слово об иконах. § 9). Образ Христа — врача человеческой природы, пораженной грехом, часто связывается с притчей о милосердном самарянине (см.: Лк. 10:30–37), которая была истолкована в этом значении в первый раз Оригеном. Встречается *образ*, который можно было бы назвать *дипломатическим*: образ Божественной мудрости (по-славянски — «хитрости»), расстраивающей козни дьявола (Святого Григория Нисского Большое огласительное Слово. Гл. 22–24), и так далее. Наконец, *образ*, встречающийся чаще всего и заимствованный апостолом Павлом из Ветхого Завета (освобождение путем выкупа) относится к области *правовых или юридических отношений*. Взятое в этом частном значении

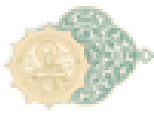
Искупление является *юридическим* образом подвига Христова, наряду со многими другими возможными образами.

Заблуждение Ансельма заключалось не столько в том, что он развил юридическую теорию искупления, столько в том, что он пожелал увидеть в юридических отношениях, содержащихся в термине «искупление», адекватное выражение тайны нашего спасения, совершённого Христом... Он думал найти в юридическом образе искупления содержание истины, ее «рациональную основу», доказательство необходимости того, что Бог должен был умереть ради нашего спасения.

Невозможность рационально выразить необходимость искупительного подвига, используя юридическое содержание термина «искупление», была показана святителем Григорием Богословом. «Остается исследовать вопрос и догмат, — говорит он, — ...кому и для чего пролита сия излиянная за нас Кровь — Кровь великая и преславная Бога, — и Жертвоприносителя и Жертвы? Мы были во власти лукавого, проданные под грех, и сасластолюбием купившие себе повреждение. А если цена искупления дается не иному кому, как содержащему во власти, спрашиваю: кому и по какой причине принесена такая цена? Если лукавому — то как сие оскорбительно! Разбойник получает цену искупления, получает не только от Бога, но Самого Бога, за свое мучительство берет такую безмерную плату... А если Отцу — то, во-первых, каким образом? Не у Него мы были в плену. А во-вторых, по какой причине кровь Единородного приятна Отцу, Который не принял и Исаака, приносимого отцом, но заменил жертвоприношение, вместо словесной жертвы дав овна? Не очевидно ли, что Отец приемлет жертву не потому что требовал или имел нужду, но по домостроительству: человеку нужно было освятиться человечеством Бога, чтобы Он Сам избавил нас, преодолев мучителя Своей силой, возвел нас к себе через Сына, посредствующего и все устрояющего в честь Отца, Которому оказывается Он во всем покорствующим? Таковы дела Христовы, а больше — да почтено будет молчанием»⁴³.

После узких горизонтов исключительно юридического богословия мы находим у святых отцов чрезвычайно богатое понятие искупления, обнимающее победу над смертью, — начало всеобщего Воскресения, освобождение природы, плененной диаволом, не только оправдание, но и восстановление твари во Христе. Здесь Страдания неотделимы от Воскресения, прославленное Тело Христа, сидящего одесную Отца, — от жизни христиан на земле. Однако, если Искупление представляется как центральный момент Воплощения, т.е. как домостроительство Сына по отношению к падшему миру, то оно является также и моментом более обширного домостроительства Пресвятой Троицы по отношению к тва-

⁴³Григорий Богослов, свт. Слово 45-е на Святую Пасху. § 22.

ри, созданной из ничего и призванной свободно осуществить обожение, соединение с Богом, дабы Бог стал *все во всем* (1 Кор. 15:28)⁴⁴.

В мир входит новая реальность — это Церковь, основанная на двойном Божественном домостроительстве: на деле Христа, и на деле Духа Святого, на двух Лицах Пресвятой Троицы, посланных в мир. Оба дела состоят в основании Церкви, оба необходимы для того, чтобы мы смогли достичь соединения с Богом... Можно в известном смысле сказать, что дело Христа подготавливало дело Духа Святого: *Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся* (Лк. 12:49). Пятидесятница есть конечная цель Божественного домостроительства на земле.

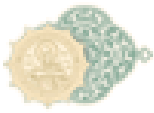
Дело Христа относится к человеческой природе которую Он возглавляет в Своей Ипостаси. Но, будучи единой природой во Христе, Церковь, это новое тело человечества, содержит в себе множество человеческих ипостасей. «Разделенные некоторым образом на отдельные личности... мы как бы сплачиваемся в одно тело во Христе, питаемся одной Плотью», — говорит святитель Кирилл Александрийский (Толкование на Евангелие от Иоанна).

Дело Святого Духа относится к человеческим личностям. Святой Дух сообщает в Церкви человеческим ипостасям полноту Божественности единственным, личностным образом, приспособляемым к каждому человеку, как к личности, созданной по образу Божию, возможность в общей природе осуществлять уподобление (Богу).

Итак, юридический образ Исккупителя должен быть дополнен образом жертвенным. Искушение — это также та жертва, которую приносит Христос, согласно Посланию к Евреям, как великий «иерей по чину Мелхиседекову», завершающий им на небесах дело, начатое Им на земле. Крестная смерть — это новозаветная Пасха, сделавшая реальным все то, что символизировала Пасха еврейская. Ведь в освобождении от смерти и введении человеческой природы в Царство Божие осуществляется единственно истинный исход. Конечно, этот отказ от собственной воли, на который не смог согласиться Адам, есть жертва искупительная; но, прежде всего, это таинство по преимуществу, свободный дар, в котором Христос приносит Богу, вместе со своим человечеством, начатки творения; она — то деяние, завершить которое должно будет новое человечество в безмерном священнодействии, первоначально возложенном на Адама — принесение в дар Богу всего космоса как вместилища благодати. Воскресение изменяет падшую природу, оно открывает дивную возможность освящения самой смерти. Отныне смерть уже не тупик, а дверь в Царство. Нам возвращена благодать, и хотя мы и носим ее в себе как в «скудельных сосудах», как во вместилищах еще смертных, однако в самой хрупкости нашей таится теперь сила, по-

⁴⁴ Лосский В. Н. Искупление и обожение // ЖМП. 1967. №9. С. 65–68.

беждающая смерть. Спокойная уверенность мучеников, которые не ощущали не только страха, но даже физической боли, свидетельствует о том, что отныне христианину доступно действительное сознание воскресения.

Святой Григорий Нисский замечательно выразил этот сакраментальный аспект Страстей. Христос, — говорит он, — не стал ждать, когда Он будет вынужден к Своей жертве предательством Иуды, злобой священником, неразумием народа. «Он предавал эту волю зла и до того, как был к тому вынужден, вольно отдал Себя накануне Страстей, в Великий четверг, даровав Свою плоть и кровь». Здесь свободно совершилась жертва Агнца, закланного до создания мира. Страсти Христовы начинаются с Великого четверга и в совершенной свободе⁴⁵.

В завершение данной темы хотелось бы сказать следующие слова. Широта и необъятность темы, которая должна осветить тайну Божественного домостроительства, до конца непостижимую ограниченным человеческим разумом, не позволяет достаточно полно и всесторонне раскрыть идею Искупления. Древнее церковное песнопение, повествуя об искупительной смерти Господа, сравнивает ее с делом творения, созидания: «Днешний день тайно великий Моисей прообразовавши, глаголя: и благослови Бог день седьмый. Сия бо есть благословенная Суббота. Сей есть упокоевний день, в онь же почи от всех дел Своих Единородный Сын Божий...»⁴⁶

Итак, совершенное Спасителем дело Искупления человечества является настолько великим и необъятным, что напрасно было бы пытаться рассмотреть его во всей полноте. «...Сам Бог принес Себя в искупительную жертву, в силу чего... невозможность для самого грешника реально избавиться от греха и от мук совести была преодолена, и мир был подлинно возрожден и спасен. Всякая попытка дальнейшего рационалистического разъяснения этого таинственного благодатного факта была бы не только бесплодна, но и кощунственна»⁴⁷. Результатом искупительного дела Христа явилось снисхождение Бога к человеку, внутреннее умиротворение человека (см.: Рим. 14:17; Гал. 5:22–23), прекращение неприязни (см.: 2 Кор. 5:20) и начало примирения человека с Богом, которое многообразными способами реализуется в Церкви Христовой.

⁴⁵ Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Гл. VIII: Домостроительство Святого Духа. М., 1991. С. 286–287.

⁴⁶ Великая Суббота. Утрения, хвалительная стихира на «Слава». Службы Страстной седмицы Великого Поста. Изд. Московской Патриархии. 1985. С. 301.

⁴⁷ Богословские труды. М., Изд. Московской Патриархии. 1978. Вып. 18. С. 207.